

Реализм побеждает

К гастролям Вроцлавского государственного драматического театра

★ ★

брачных уз с крестьянками. Финал пьесы — инертность народа и неспособность бездельной шляхты побороть ее — говорит о крушении бесплодных мечтаний поборников идеи «шляхта с народом».

Художественные приемы, которыми воспользовался автор «Свадьбы», как и ее замысел, полностью соответствуют польскому неоромантизму девятисотых годов.

По воле автора в пьесе стояли люди и тени. Живые люди, полные надежд и разочарований, страстные и равнодушные, окрыленные мечтой и убаюканные будничным течением жизни. И рядом с ними (а по замыслу автора, безусловно, над ними) тени — образы смутных предчувствий, зарытых в тайниках души чайний, тени-символы, зовущие то к прошлой славе, то к неясному будущему...

Высоко оцененная творческий успех постановщика «Свадьбы», начиная с того, что Якуб Ротбаум живых людей поставил над тенью.

Не эфемерные призраки, а люди во плоти и крови действуют на первом, большом илине этого интересного, освещенного творческой мыслью спектакля.

Замысел постановщика с подлинным мастерством воплощен актерами молодого театрального коллектива в созданных ими образах.

Тончайший шарж лежит в основе раскрытия образа «хлопмана», созданного талантливым Ежи Адамчаком. Его Жених — это типичный для 900-х годов шляхтич-интеллигент, красноречивый и похвальный, но лишенный, однако, искренних душевных порывов.

Полна жизнеутверждающего оптимизма и обаятельной непосредственности Невеста в исполнении Янины Закревской. Ее грубоватая нежность к Жениху из «панов», прорывающаяся сквозь чисто крестьянскую девичью застенчивость, переходит постепенно в чувство счастливого превосходства над ним. Невеста Закревской это вполне реалистический образ, чуть-чуть обостренный гротеском: угловатый жест, то

и дело сверкающие в улыбке белые зубы...

С большим чувством такта играет Поэта вдумчивый актер Игорь Пшегородский. Мир мечтаний не мешает ему быть достаточно земным для того, чтобы запросто пожурить с Мариной, пользуясь непосредственностью крестьянского веселья. И совсем иным рисует своего Поэта Пшегородский в диалогах с утонченной эстетикой Рахилью. Здесь и влечение к ее поэтической страсти, и в то же время ироническое отношение к ее поклонению культу «свободной любви».

Журналист в исполнении Станислава Игара это пресыщенный «умными разговорами» человек, склонный более к покою, чем к деятельности, но где-то в глубине души терзаемый теми же иллюзиями, что и Поэт. Он скептически относится к «примитивным» крестьянам и не менее скептически к интеллигентам-любителям «высоких материй». И все-таки его гложет острая для польской интеллигенции тех времен неудовлетворенность. Особенно ярко выражена она в разговоре с тенью шута — Станчика. На смену безразличию приходит ужас осознанной впервые опустошенности...

Самым ярким признаком высокого режиссерского и актерского мастерства нам представляется слаженность ансамбля, его единое звучание без выпячивания главных ролей. В «Свадьбе» этот признак присутствует несомненно. Трудно по качеству игры и по режиссерским акцентам выделить в этом спектакле «ведущие» и «неведущие» роли. Пожалуй, к второстепенным можно причислить только тени и призраки, хотя и среди них немало живых, чисто реалистических образов (Гетман-изменник, Вернигора в исполнении Збигнева Новосада и Марьяна Богуславского).

Даже после первого спектакля надолго запоминаются Артур Млодницкий (хозяин) — как он хорош в сцене с женой после посещения тени Вернигоры! — Ева Шиманская (Марина), Ядвига Ганская (совет-

ница), Данута Корицкая (Кася), Галина Добровольская (Рахиль), Мечислав Навроцкий (дед)...

Особо хочется сказать о Генрике Гунко, ярко, сочно, большими мазками создавшего образ крестьянского парня Сташека.

О работе постановщика «Свадьбы» можно было бы отдельно написать большую статью. Разве не заслуживает самой высокой похвалы то, что в исполнении символически-аллегорической пьесы нет ни надрыда, ни ложной декламационности, на которые так легко было бы сбиться!

А как был сложен для постановщика мозаичный раздробленный на парные диалоги первый акт! Сколько надо было хорошего вкуса и изобретательности для того, чтобы сделать все эти бесконечные выходы и уходы разнообразными, не похожими друг на друга и в то же время экспонирующими появление все новых и новых действующих лиц! Достаточно вспомнить мизансцены поверх интрьера, чтобы по заслугам оценить плодотворность совместного творчества режиссера с художником.

Нельзя обойти молчанием и блестяще поставленную сцену во втором акте — Гетман и терзающие его черты. Здесь символика передана настолько наглядно, что перестает быть условностью и становится острым реалистическим шаржем.

Хороша в спектакле музыка Рихарда Буковского. Она сопровождает действие, не претендуя на самостоятельное звучание, и только кое-где прорывается нарочито-зазорной народной мелодией, как бы напоминающей о тишине «хлопоманского» маскарада...

Пока пишутся эти строки, друзья из Вроцлава успели показать уже харьковчанам и «Оперу нищих» Б. Брехта.

Скоро у нас в городе кончатся короткие, но надолго запомнившиеся гастроли талантливого театрального коллектива. Что ж, будем надеяться на новые радости от их творческого роста и все растущих успехов!

Игорь МУРАТОВ.

***

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Свадьба».

Свои гостевые гастролы в Харькове Вроцлавский театр открыл стихотворной драмой Станислава Выспянского «Свадьба».

Поднимается занавес. На сцене пара за парой, диалог за диалогом. Действие развивается медленно, сюжетная пружина долго бездействует. Вся соль в диалоге, в тексте, вернее — в подтексте, в умышленно заторможенном, до предела сдержанном самораскрытии героев.

«Свадьба» Выспянского чрезвычайно сложна и для исполнения и для восприятия. Она полна символов, намеков, параллелей, требующих от актеров и зрителей не только осведомленности о некоторых, ныне отошедших в забытие, течениях среди польской интеллигенции начала нашего века, но и знания биографий конкретных лиц (кстати, отнюдь не всемирно известных), с которых автор лепил своих героев, так сказать, в натуральную величину.

Но история создания этого характерного для польского неоромантизма произведения и подробный его пересказ интересуют нас куда меньше, чем талантливые исполнители «Свадьбы» во главе с ее постановщиком Якубом Ротбаумом.

Скажем только несколько слов об идее пьесы: она заключается в интерпретации модного в свое время в Польше течения, получившего впоследствии несколько ироническое название «хлопоманства», т. е. безуспешных попыток объединить шляхту с народом.

Не скрывая горечи по поводу безуспешности этой идеи, Выспянский смеется над попытками отдельных «хлопоманов» слиться с народом путем